

ПРОБЛЕМА ВЛИЯНИЯ «ИЛИАДЫ» НА МИРОПОНИМАНИЕ АЛЕКСАНДРА МАКЕДОНСКОГО

А.А. КЛЕЙМЕНОВ

В статье рассматриваются широко распространенные в научной литературе представления о большой роли «Илиады» в формировании личности Александра Македонского и его склонности прямо подражать Ахиллесу. Определяется, что первые сообщения об особом внимании полководца к гомеровскому наследию и образам героев Троянской войны были сделаны современниками и участниками Восточного похода. Большинство фрагментов античной письменной традиции, рассказывающих о стремлении Александра копировать поведение Ахиллеса или о его готовности руководствоваться содержанием поэм Гомера при принятии важных решений, в значительной степени отражают литературные или идеологические установки отдельных авторов и потому не могут восприниматься как исторически достоверные. Отправной точкой в развитии данной тенденции стало сочинение Каллисфена Олинфского, уделявшего много внимания сакральным и панэллинским мотивам. Тем не менее совокупность данных позволяет полагать, что легендарный и литературный образ Ахиллеса действительно играл важную роль в формировании личных качеств и ценностных установок юного Александра. Важной предпосылкой этого являлась принадлежность матери будущего полководца Олимпиады к молосской династии Эакидов, считавшихся потомками Ахиллеса. Указывается, что не меньшее значение имело сходство реалий гомеровского мира и нравов македонской элиты времен Аргеадов, позволявшее Александру воспринимать героев Троянской войны как близких по образу жизни. Третьим компонентом стали сугубо литературные достоинства «Илиады», оценен-

ные македонским царевичем под влиянием Аристотеля. Воздействие образа Ахиллеса на Александра было особо весомым в ранние годы, когда формировался основной набор его личных качеств и установок. Восприятие представленной в эпической традиции фигуры Ахиллеса как модели поведения не превратило Александра в простого имитатора, однако способствовало появлению важных компонентов в миропонимании полководца. К их числу относились склонность демонстрировать личную воинскую доблесть, глубокая привязанность к друзьям детства, особое внимание к религиозной стороне жизни, готовность воспринимать себя как приближенного к богам героя. Это влияние сочеталось с использованием образа Ахиллеса для идеологического обоснования Восточного похода и подкрепления претензий македонского царя на божественный статус.

В многочисленных национальных культурах, в той или иной степени опирающихся на богатое наследие греко-римского мира, Античность воспринимается по-разному, однако неизменно предстает эпохой, населенной сонмом настоящих титанов. Имена Солона и Цицерона, Перикла и Марка Аврелия, Архимеда и Овидия не только не подверглись забвению, но и превратились в устойчивые образы, воплощающие выдающиеся качества законодателей, политиков, военачальников, ученых, литераторов. Впрочем, даже на фоне самых знаменитых деятелей Античности ярко выделяется Александр Великий, чья недолгая жизнь, потраченная на попытку построить ойкуменистическую державу, стала одним из важнейших рубежей в истории Древнего мира. Масштаб свершений Александра, характер его деяний, в которых проявлялись как талант и благородство, так и чрезвычайная жестокость, обусловили неугасающий интерес историков, писателей, деятелей искусства и простых любителей прошлого к процессу формирования противоречивой личности македонского завоевателя, к факторам, предопределившим появление его индивидуальных качеств и ценностных установок.

Не отрицая большого общественно-культурного значения «художественной правды», необходимо отметить, что сугубо научное исследование предпосылок формирования миропонимания отдельно взятого человека, тем более отделенного от нас тысячелетиями, является делом крайне непростым. Оно напрямую зависит от име-

ющихся источников, в случае с Александром представленных исключительно материалами античной нарративной традиции. Именно из них мы узнаем о роли, которую с юных лет играли в жизни полководца легенды о героях Троянской войны и их величайшее литературное воплощение — «Илиада». Наиболее подробно и данный нюанс, и иные аспекты формирования личности завоевателя Азии отражены в созданной Плутархом биографии Александра, что обусловлено самим характером сочинения, призванного показать становление и суть индивидуальных качеств ключевых деятелей греческой и римской истории¹. В рассказе о детстве Александра Плутарх замечает, что второй из воспитателей царевича, акарнанец Лисимах занял эту позицию и был любим (ἠγαπᾶτο), так как называл Александра Ахиллесом, царя Филиппа — Пелеем, а самого себя — Фениксом (Plut. *Alex.* 5). Согласно другому фрагменту, Александр, пристрастившийся к чтению благодаря Аристотелю, считал и называл «Илиаду» лучшим напутствием в военной доблести (τῆς πολέμικῆς ἀρετῆς ἐφόδιον). Здесь же писатель, ссылаясь на Онесикрита, пишет, что Александр всегда имел при себе выправленный Аристотелем список поэмы, известный под названием «Илиада из шкатулки» (τοῦ ἀρθῆκος), который вместе с кинжалом держал под подушкой (ὕπὸ τὸ προσκεφάλαιον) (Plut. *Alex.* 8). Ниже Плутарх рассказывает о происхождении самой шкатулки, найденной среди имущества персидского царя, захваченного македонянами после битвы при Иссе (Plut. *Alex.* 26). Некоторые иные детали истории царского экземпляра поэмы передает Страбон, по данным которого сам Александр, будучи поклонником Гомера, вместе с Каллисфеном и Анаксархом снабдил текст «Илиады» примечаниями (Strab. XIII. 1. 27)². Здесь же следует упомянуть и легендарную генеалогию молосской династии Эакидов, восходившей к сыну

¹ Главная цель создания жизнеописания и его отличие от прочих исторических текстов прямо указаны самим Плутархом в вводной части биографии Александра (Plut. *Alex.* 1). Стремление автора отразить процесс формирования личности своих героев неоднократно отмечалось в историографии (Hamilton [1969]. P. 37–39; Van der Stockt [2014]. P. 324–325; Stadter [2014]. P. 126–127).

² Историю об «Илиаде из шкатулки» знали и другие авторы. См.: Plin. *HN.* VII. 29; Dio Chrys. IV. 39.

Ахиллеса Неоптолему. Поскольку представительницей этого рода была мать Александра Олимпиада, завоеватель считался по женской линии потомком Ахиллеса, что античные авторы подчеркивали неоднократно (Plut. *Alex.* 2; Arr. *Anab.* IV. 11. 6; Curt. VIII. 4. 26; Paus. I. 9. 10; Diod. XVII. 1. 5; Strab. XIII. 1. 27; Vell. Pat. I. 6. 5). Из сохранившегося фрагмента сочинения Феопомпа, являвшегося еще одним современником событий, известно, что Олимпиада заявляла о своем происхождении и от Ахиллеса, и от Приама через его сына Гелена (Theop. FGrH 115. F355). Связь молосской династии с Ахиллесом не только воспринималась в классическое время как данность, но и стала важным фактором в политической жизни Эпира, повлияв на характерный для Эакидов набор имен¹.

Об отношении Александра и к образу Ахиллеса, и к гомеровскому эпосу в целом сообщает комплекс свидетельств, описывающих пребывание македонского царя в Трое на начальном этапе его азиатской экспедиции. Сходясь в ключевых моментах, древние писатели приводят разные детали произошедшего. Так, согласно Плутарху, Александр в Илионе принес жертвы Афине, совершил возлияния героям, а также у надгробия Ахиллеса с друзьями соревновался в беге и возложил венок, заявив, что Ахиллес был счастливецом, так как имел при жизни преданного друга, а после смерти — великого глашатая своей славы. Здесь же Александр отверг предложение увидеть лиру Париса, отметив, что он ищет воспевавшую славу и подвиги лиру Ахиллеса (Plut. *Alex.* 15). Близкие детали передает Элиан, пространно описывающий негативное отношение Александра к лире Париса (Ael. *VH.* IX. 38) и сообщающий о возложении царем венка к могиле Ахиллеса, а его любимым другом Гестеионом — к надгробию Патрокла (Ael. *VH.* XII. 7). Арриан, упоминая почтение могил Ахиллеса и Патрокла и слова Александра о зависти к Ахиллесу (Arr. *Anab.* I. 12. 1), более подробно рассказывает о проведенных церемониях. К ним относятся жертвоприношение Афине Илионской, подношение ей полного вооружения, взамен которого Александр взял некоторое оружие времен «тroyанских событий» (τοῦ Τρωϊκοῦ ἔργου), в дальнейшем носимое перед царем в сражениях, приношение жертвы Приаму с просьбой не гневаться

¹ Carney (2006). P. 5; Müller (2016). S. 21.

на род Неоптолема, из которого происходил Александр (Arr. *Anab.* I. 11. 7–8). Диодору также была известна история с обменом оружием. По его версии, Александр посвятил Афине свои доспехи и взял из храма самый прочный щит (ὄπλον τὸ κράτιστον), с которым сражался в первой битве (Diod. XVII. 18. 1)¹. Предполагается, что изначальный рассказ о пребывании Александра в Илионе был составлен еще официальным историографом Восточного похода Каллисифеном Олинфским². Отчасти подтвердить достоверность его сведений, а также проследить судьбу взятого в Трое вооружения позволяют описания штурма города индийского племени маллов. Многие авторы указывают, что тогда спас жизнь Александра, но получил ранение воин Певкест (Plut. *Alex.* 63; Diod. XVII. 99. 4; Curt. IX. 5. 14–18), а Арриан отмечает наличие у него взятого ранее из храма Афины Илионской «священного щита» (τὴν ἱερὰν ἄσπίδα), которым царь и был заслонен от врагов (Arr. *Anab.* VI. 9. 3; 10. 2). Источником сведений о данном инциденте, видимо, выступало сочинение Птолемея Лага³.

Благодаря этим достаточно ранним свидетельствам, а также некоторым иным фрагментам греко-римского нарратива, освещающим отдельные деяния полководца, в историографии широко распространилось мнение, подразумевающее, что Александр мнил себя новым Ахиллесом и неоднократно сознательно копировал его поступки⁴. Тем не менее считать данный тезис полностью обоснованным не представляется возможным. Как отметил Х. Боуден, вывод о значительном влиянии образа Ахиллеса на Александра, воспри-

¹ Пребывание Александра в Илионе иными авторами подробно не освещается, но им известно. Так, Страбон отметил, что Александр взял под покровительство жителей Илиона для восстановления древнего родства и из-за почтения к творчеству Гомера (Strab. XIII. 1. 27). Юстин сообщает о жертвах на могильных холмах героев, павших в Троянской войне (Just. XI. 5. 12).

² Pearson (1960). P. 9; Hamilton (1969). P. 38; Prandi (1985). P. 141; Squillace (2010). P. 78.

³ Hammond (1983). P. 65; Bosworth (1988b). P. 81.

⁴ Например, см.: Hamilton (1965). P. 118; Lane Fox (1973). P. 59–63; Bosworth (1988a). P. 281; Stewart (1993). P. 80–81; O'Brien (1994). P. 13; Worthington (2004). P. 72; Nawotka (2010). P. 37; Gabriel (2015). P. 18–19; Finn (2025). P. 397.

нимаемый сейчас как данность, сопоставить с реалиями жизни македонского царя весьма непросто¹. Оценивая это замечание как оправданное, необходимо отметить ключевое обстоятельство: подтвердить большую зависимость завоевателя от образа сына Пелея можно лишь выявлением решений и поступков Александра, обусловленных его особым отношением к персоне Ахиллеса и стремлением ему уподобиться, которые не были бы связаны с иными мотивами и, что важно, отражались бы в свидетельствах, историческая достоверность которых не вызывает сомнений. И здесь мы сталкиваемся с целым комплексом проблем.

В частности, нужно признать факт раннего знакомства Александра с кругом преданий, освещающих подвиги Ахиллеса. Упомянутый Плутархом воспитатель Лисимах был реальным лицом, о котором писал современник Харес Митиленский (см. *Plut. Alex.* 24). Как справедливо отмечено в историографии, уловка Лисимаха, называвшего Александра Ахиллесом, показывает, что он являлся наставником царевича на раннем этапе детства² и был неким образом связан с Олимпиадой³. Возможно, полководец действительно выучил всю «Илиаду» наизусть, как об этом сообщает Дион Христом (Dio Chrys. IV. 39). Считать это обстоятельство феноменальным нельзя. Согласно тому же источнику, наизусть знали «Илиаду» даже подвергшиеся варварским влияниям ольвиополиты (Dio Chrys. XXXVI. 9). Как метко отметил Н.В. Шебалин, если уж жители дальней периферии в I в. н. э. обладали подобным свойством, то для эллинов предшествующих эпох оно должно было являться еще более характерным⁴. Основательное знакомство Александра с «Илиадой», видимо, было заслугой Аристотеля, привившего царевичу любовь к чтению. Вряд ли Александр полностью усвоил текст «Илиады» благодаря Лисимаху, как это предполагает Д. Огден⁵, игнорирующий сообщение о сравнительно низком уровне образования указанного лица (см. *Plut. Alex.* 5). Вместе с тем романтический образ завоевателя, якобы державшего «Илиаду» в драгоценной

¹ Bowden (2018). P. 163.

² Heckel (2006). P. 153.

³ См.: Fredricksmeier (2003). P. 255; Шахермайр (1984). С. 46–47.

⁴ Шебалин (1966). С. 66.

⁵ Ogden (2024). P. 32.

шкатулке в изголовье, следует воспринимать скептически. Объем поэмы и особенности древнегреческой техники записи текста просто не позволили бы уместить ее полный список в шкатулке, помещавшейся под подушкой¹. Возможно, здесь мы имеем дело с целиком выдуманным сюжетом: Плутарх называет автором рассказа Онесикрита (Plut. *Alex.* 8), который уже в античности имел репутацию недостоверного писателя (Plut. *Alex.* 46; Strab. XV. 698; Luc. *Hist. conscr.* 40). Мало того, сообщение об «Илиаде из шкатулки» подозрительно хорошо вписывалось в главный посыл сочинения Онесикрита, изображавшего Александра образованным цивилизатором и «философом на троне»². Единственной возможностью отчасти принять сведения Онесикрита является их корректировка. Так, благодаря переданным Афинеем (Athen. XII. 514e–f) сведениям Хареса Митиленского известно, что «царской подушкой» (προσκεφάλαιον βασιλικόν) называли особую сокровищницу возле спальни персидских царей. Александр, которому после битвы при Иссе достался шатер Дария (Arr. *Anab.* II. 11. 9–10; Curt. III. 11. 19–23; Plut. *Alex.* 21; Diod. XVII. 36. 5; Just. XI. 9. 11–12), вполне мог хранить текст «Илиады» именно там, однако Онесикрит в любом случае своим сообщением исказил реальность³.

Обращаясь к пребыванию Александра в Илионе, нельзя не учитывать возможность наличия в действиях полководца вполне рациональных политико-идеологических мотивов. Так, присутствует широко представленное в историографии предположение, согласно которому обряды, проведенные на троянской земле, были обусловлены панэллинской политической программой Александра и идеей «войны мести», а также противопоставлением македонского царя Ксерксу, ранее совершившему в Трое некоторые ритуалы⁴. Связь греческого похода на Восток и образов Троянской войны для современников действительно была очевидна. Так, Исократ в «Панафинейской речи» неоднократно упоминает Агамемнона

¹ Bowden (2018). P. 164.

² Pearson (1960). P. 90–92; Mossman (1988). P. 84; Zambrini (2007). P. 213–214.

³ См.: Bowden (2018). P. 164.

⁴ Instinsky (1995). P. 485; Flower (2000). P. 108–110; Will (2009). S. 22–24; Antela-Bernárdez (2016). P. 248; Гафуров, Цибукидис (1980). С. 107.

(Isocr. *Panath.* XII. 72–83), по факту подразумевая Филиппа II¹. Еще раньше использовал троянскую эпопею для обоснования необходимости борьбы с персами Агесилай². Македонский монарх мог руководствоваться и стремлением перехватить у афинян контроль над святилищем, чье значение возросло в середине IV в. до н. э. благодаря деятельности Харидема и Хареса³. Нельзя также не учитывать, что первым пребывание Александра в Илионе описал Каллисфен, сочинение которого было насыщено сакральными и панэллинскими мотивами⁴. Практически все известные фрагменты этого труда содержат отсылки к Гомеру и сравнения Александра с ахейскими героями⁵. Рассматриваемый эпизод не был исключением. Возможно, Каллисфен, подчеркивая связь Александра с предком, не только обосновывал Восточный поход, но и пытался показать сверхчеловеческую сущность царя, возвысить его над окружением и сделать более близким грекам⁶. Рассказ мог дополняться новыми деталями и после Каллисфена. Так, о жертвоприношении Приаму сообщает только Арриан. Конечно, здесь возможно обнаружить мотив ритуального очищения от злодеяний предка⁷ или желание подчеркнуть родство Александра с сыном Приама Геленом, однако не следует сбрасывать со счетов и стремление самого автора отметить уважительное отношение македонянина к ценному для римлян троянскому наследию⁸.

Не менее противоречивая ситуация возникает при обращении к другим сообщениям, повествующим о случаях прямого влияния произведений Гомера и образа Ахиллеса на конкретные действия Александра. Самый зловещий из подобных эпизодов связан с расправой над командовавшим обороной Газы персидским военачаль-

¹ Подробнее об этом см.: Race (1978). P. 175–185.

² Anson (2021). P. 15.

³ Briant (2018). P. 18–19.

⁴ Об этой черте творчества Каллисфена: Devine (1994). P. 89–103; Zahrt (2006). P. 143–174; Demandt (2013). S. 108–109; Scanlon (2015). P. 191–192.

⁵ Prandi (1985). P. 75–85; Pedersen (2015). P. 103–127; Pownall (2020). P. 250–251.

⁶ Lehmann (2015). S. 19–20.

⁷ Worthington (2004). P. 72–73.

⁸ Home (2022). P. 85.

ником Батисом. Несмотря на то, что осада Газы достаточно подробно описана Аррианом (Arr. *Anab.* II. 25. 4 – 27. 7), указавшим имя персидского командира и назвавшим его евнухом, пространные рассказы о судьбе этого человека оставили иные источники. Самым ранним из них является известный в изложении Дионисия Галикарнасского (Dion. Hal. *De comp. verb.* 18) фрагмент произведения Гегесия Магнесийского (FGrH 142. F 5), где в ярких красках описано, как по приказу Александра чернокожему тучному евнуху, до того молившему о пощаде, проткнули ноги прутом и волокли нагого за колесницей. Курций Руф, напротив, представляет Бетиса (Батиса) доблестным воином (Curt. IV. 6. 25–27), сообщая, что разгневанный гордым молчанием пленника Александр учинил расправу: через лодыжки еще дышавшего Батиса были продеты ремни (*per talos enim spirantis lora traiecta sunt*), его привязали к колеснице и потащили вокруг города. Как указывается, Александр похвалялся, что казнит врага в подражание Ахиллесу, от рода которого происходит (*Achillen, a quo genus ipse deduceret*) (Curt. IV. 6. 28–29). Приведенные описания расправы явно схожи с рассказом Гомера о «недостойном деле» Ахиллеса, привязавшего тело Гектора к своей колеснице ремнями через проткнутые ноги (Hom. *Il.* XXII. 395–400). Многие исследователи полагают, что здесь мы имеем дело с реальным случаем подражания Александра действиям Ахиллеса¹, однако оправданность подобных выводов вызывает сомнения. Так, свидетельство Гегесия требует осторожного обращения из-за характера его творчества, имевшего риторическую направленность и уже в древности критиковавшегося за грубый и напыщенный стиль². Дионисий Галикарнасский называет рассматриваемый фрагмент насмешливым копированием Гомера, приводя для сравнения соответствующие строки «Илиады» (Dion. Hal. *Comp.* 18). Главной особенностью версии Курция Руфа является не только упоминание слов Александра об Ахиллесе, но и прямое сопоставление участи Батиса и Гектора, сделанное через отсылку к «Энеиде» (Verg. *En.* II. 273: *pedes traiectus lora tumentes*)³. Говоря о преемственности свиде-

¹ См.: Stewart (1993). P. 81; Worthington (2004). P. 112; Nawotka (2010). P. 198; Finn (2025). P. 397.

² Briant (2018). P. 13.

³ Констатацию данного обстоятельства см.: Pearson (1960). P. 248

тельств, нужно отметить слабую обоснованность выводов о заимствовании Курцием Руфом сведений Гегесия или Дионисия¹. Больше оснований полагать, что римский писатель, рассказавший об осаде более подробно, опирался на сообщение Клитарха². Считать имеющиеся описания расправы достоверными лишь из-за склонности Плутарха и Арриана скрывать неблагоприятные поступки Александра³ или на основании критичного отношения к «эквивалистике литературными свидетельствами»⁴ не следует. Ключевым фактором становится необходимость верить сюжету, впервые фиксируемому у Клитарха и полностью соответствующему его склонности проводить параллели между Александром и Ахиллесом⁵. Указанный писатель мог их устанавливать буквально по любому поводу. Ярким доказательством этого является переданное Диодором описание «сражения» Александра с рекой после крушения царского корабля в районе слияния Акесина и Гидаспа с прямой отсылкой к подвигам Ахиллеса (Diod. XVII. 97. 2–3), которая появилась, как показывает сравнение сообщения с рассказом Арриана (Arr. *Anab.* VI. 5. 3–4), именно благодаря Клитарху⁶.

Отдельного упоминания также заслуживает изложенное Плутархом (Plut. *Alex.* 26) популярное среди александрийцев предание, восходящее, как отмечено самим писателем, к Гераклиду. Согласно ему, выбрать место для строительства Александрии Египетской Александру помог сон, частью которого был некий старец, продекламировавший строки «Одиссеи» об острове Фарос. Явившись на место, царь остался доволен и назвал Гомера не только «достойным восхищения», но и «лучшим зодчим» (εἰπὼν ὡς Ὀμηρὸς ἦν ἄρα τὰ τε ἄλλα θαυμάσιος καὶ σοφώτατος ἀρχιτέκτων). Плутарх изящно использует этот сюжет для иллюстрации отношения Александра к эпическому наследию, однако основой для его сообщения было сочине-

¹ Tarn (1948). P. 268–269; Pearson (1960). P. 247–248; Maitland (2015). P. 1–20.

² Hammond (1983). P. 126; Bosworth (1988a). P. 68; Heckel (2020). P. 115.

³ Stoneman (1997). P. 47.

⁴ См.: Туманс (2016). С. 65.

⁵ Heckel (2020). P. 115.

⁶ Hammond (1983). P. 64–65.

ние о Гомере, составленное в II в. до н. э. Гераклидом Лембом¹. Последний, видимо, связал основание Александрии и фигуру Гомера под воздействием идеологии времен Птолемея IV Филопатора, уделявшего легендарному поэту особое внимание². Соответственно, относить этот эпизод к перечню обнародованных еще во времена Александра знамений³ оснований мало.

Интересный случай весьма позднего приписывания Александру подражания Ахиллесу при принятии важного решения связан с женитьбой завоевателя на Роксане. Обстоятельства заключения брачного союза между полководцем и азиаткой известны по разным сочинениям (Arr. *Anab.* IV. 18. 4 – 19. 6; Plut. *Alex.* 47), однако только Курций Руф отмечает, что Александр, объясняя окружению причину женитьбы, упомянул, что его предок Ахиллес также сошелся с пленницей (*Achillem quoque, a quo genus ipse deduceret, cum captiva coisse*) (VIII. 4. 25–26). Учитывая, что общая структура рассказа римского автора наиболее близка к соответствующим фрагментам «Эпитомы деяний Александра» (Metz *Epit.* 29–31)⁴, следует принять выводы об использовании Курцием Руфом в данном случае материала Клитарха⁵. Сопоставление двух сообщений свидетельствует в пользу отсутствия упоминания Ахиллеса в изначальной версии. Отсылку к легендарному персонажу привнес сам Курций Руф, в том числе для придания происходящему ироничного звучания⁶. Последнее обеспечивалось сравнением статуса Роксаны, взятой в жены после захвата владений ее отца Оксиарта, и пленницы Ахиллеса Брисеиды⁷.

¹ Hamilton (1969). P. 66.

² См.: Howe (2014). P. 83–84. Согласно иной версии, изложенный Плутархом рассказ Гераклида изначально восходил к распространенным преданиям о божественной помощи при основании города, а приснившегося Александру старца могли считать не только Гомером, но и Амоном или неким локальным божеством (Welles [1962]. P. 276).

³ Например, см.: Туманс (2016). С. 60.

⁴ Основным источником при ее составлении, как предполагается, было сочинение Клитарха (Baynham [1995]. P. 63).

⁵ Hammond (1983). P. 145; Baynham (1998). P. 166; Пьянков (2013). С. 72–73.

⁶ Tarn (1948). P. 105; Müller (2012). P. 299.

⁷ В первой половине «Илиады» Брисеида названа женой Ахиллеса (II.

Как бы странно это ни прозвучало, но особая ситуация, возникшая в античной традиции, отнюдь не означает, что на воззрениях и модели поведения завоевателя Азии никак не сказались образы и мотивы «Илиады» — хорошо знакомого Александру литературного произведения, повествующего о деяниях его же легендарного предка. Понять суть этого влияния позволяет очевидное, но часто упускаемое из виду обстоятельство, которое наиболее точно сформулировал Дж. Д. Грэйнджер: краеугольные факторы в жизни Александра — это то, что он был сыном Филиппа II и македонянином¹. Именно принадлежность полководца к миру македонской элиты в конечном итоге стала почвой, на которой взросло его восприятие эпоса. Как часто отмечается исследователями, реалии жизни аристократического сообщества Македонии были во многом схожи с описанными в «Илиаде» и «Одиссее»². Воспринимать подобное наблюдение буквально и считать абсолютно тождественными монархию Аргеадов и гомеровское общество нельзя³, однако нравы македонской элиты и «пышнопоножных ахейцев» действительно были схожи. В обоих случаях имело место преклонение перед личной храбростью и воинским мастерством, развитое чувство собственного достоинства, восприятие войны как главного средства получения славы и богатства, отношение к битвам, пирам и охоте как к наиболее подходящим для благородных персон способам времяпрепровождения⁴. Сами македонские цари не только участвовали в застольях и охотах, но и должны были лично возглавлять своих людей в бою⁵. Это, безусловно, сближало их с осаждавшими Трою

IX. 406–420), однако в дальнейшем представлена рабыней, лишь мечтающей о положении законной жены (Ibid. XIX. 348–354).

¹ Грэйнджер (2010). С. 18.

² См. Wilcken (1962). S. 213; Griffith (1965). P. 126; Ellis (1976). P. 20; Hammond (1999). P. 104; Mari (2011). P. 79; Белох (2009). С. 334.

³ Об этом см.: Carlier (2000). P. 262–267.

⁴ Как убедительно показала А. Коэн, гомеровские мотивы могут быть прослежены и в македонском изобразительном искусстве, где излюбленным сюжетом являлась охота на крупных животных (Cohen [1995]. P. 491–494).

⁵ Carney (1996). P. 28–31; Thomas (2007). P. 142; Anson (2013). P. 26; Greenwalt (2015). P. 347.

басилеями¹. Александр с юных лет не просто видел этот мир, но и являлся его частью. Подобно героям эпоса, царевич должен был учиться отстаивать свои интересы при дворе, рано получил и стал применять на практике навыки охотника, воина и командира². Даже осторожная оценка сложившейся ситуации подразумевает, что Александр был гораздо ближе к героям «Илиады» чем граждане эллинских полисов³. Для македонского царевича Ахиллес, Аякс, Диомед и иные персонажи являлись не представителями иного архаичного мира, а вполне понятными фигурами, в гиперболизированном виде воплощавшими ценности македонских царей и их соратников-гетайров. Как верно указано в литературе, сочетание схожести реалий гомеровского мира и македонского общества со спецификой родословной Олимпиады определило особую значимость образа Ахиллеса для юного Александра⁴. Со временем в дело мог вступить еще один фактор. Речь идет о литературных достоинствах «Илиады», которые ученик Аристотеля просто не мог не оценить⁵. Так сформировалась связь Александра с фигурой Ахиллеса, ставшая, по меткому определению А. Коэн, порождением «тремучей смеси» греческого, македонского и личного⁶.

Сравнивая значимость образа Ахиллеса для Александра в реальной жизни и в восприятии античных авторов, нужно признать, что особое отношение македонского царя к герою Троянской войны было не выдуманно, а лишь усилено Каллисфеном, почин которого поддержали более поздние авторы, в итоге придавшие этому мотиву романтическое звучание⁷. Часть новых параллелей проводилась по сугубо литературным основаниям, связанным с желанием опереться

¹ Carlier (2000). P. 262; Gabriel (2015). P. 12.

² Thomas (2007). P. 65–66.

³ Gehrke (1996). S. 20; Lehmann (2015). S. 194.

⁴ Carney (2006). P. 5–6.

⁵ В данном случае можно опереться на авторитетное мнение А.Ф. Лосева, назвавшего Аристотеля наиболее глубоким и трезво относившимся к творчеству Гомеру античным исследователем, отдавшим должное как сознательному художественному реализму его произведений, так и их эстетическим качествам (Лосев [2006]. С. 50).

⁶ Cohen (1995). P. 485.

⁷ Схожий, но более категоричный вывод см.: Pearson (1960). P. 9–10.

на хорошо известные читателям образы и сделать повествование занимательнее¹. Присутствовали и вполне объективные причины развития тенденции. Сопоставление двух молодых воинов, усиленное их родством, было вполне естественно². Особенно подстегнула проведение параллелей ранняя смерть македонского завоевателя³. Сложно было не поддаться соблазну и не сравнить предка и потомка, которые рано проявили себя на ратном поприще, главные подвиги совершили в Азии, сумели превзойти своих известных отцов, были привязаны к матерям, ушли из жизни молодыми, незадолго до того потеряв близкого друга.

Пытаясь выявить реальное влияние представленного в «Илиаде» образа Ахиллеса на Александра, следует полагать, что особо весомым оно было в ранние годы, когда формировался основной набор личных качеств и установок будущего покорителя Азии. Александр, подобно юным представителям иных эпох, попал под воздействие созданной в общественном сознании и литературе фигуры героя. Как показывают исследования, подобная персона символически объединяет важные для общества, социальной группы и формируемой личности качества, намечая для последней пути развития, при этом сам героический образ может меняться и постепенно утрачивать значение по мере взросления почитателя⁴. Мало того, Александр был не единственным выдающимся полководцем, ориентировавшимся в ранние годы на героя-предшественника. Схожим образом А.В. Суворов, с детства грезивший о ратном поприще, опирался на образ Юлия Цезаря⁵, а сам македонянин стал примером для Карла XII⁶ и Наполеона Бонапарта⁷. Видеть в наличии у юного царевича любимого героя признак патологических

¹ Об этом, например, см.: Mossman (1988). P. 84; Briant (2018). P. 12–13; Peltonen (2019). P. 153.

² Stiles (2022). P. 26.

³ Heckel (2015). P. 30; Bowden (2018). P. 164.

⁴ Чернобровкина (2013). С. 26; Рягузова (2014). С. 121; Шарапов, Соколова (2021). С. 402.

⁵ Это обстоятельство великий русский полководец подчеркивал лично (Глинка [1819]. С. 201).

⁶ Dybelius (2019). S. 119–122; Naiden (2024). P. 264.

⁷ Fulińska (2018). P. 555–559.

комплексов, как это делает Р. Габриэль¹, оснований нет. Неправильно также приравнивать Александра к нашим современникам в лице представителей ролевого движения, любителей косплея и особенно рьяных реконструкторов, деятельность которых подразумевает эскапистское бегство от реальности через принятие на себя образа лица, чье бытование максимально отличается от повседневной жизни «носителя»². Сын Филиппа, следуя за Ахиллесом, ориентировался на вполне актуальную для него модель поведения, приближение к которой позволяло приобрести необходимые для успеха личные качества.

Именно индивидуальные качества и ценностные установки, а не демонстративные подражательные жесты, известные по сомнительным фрагментам письменной традиции, можно считать главными результатами воздействия «Илиады» на личность Александра. Следует согласиться с Дж. Р. Гамильтоном, назвавшим основным проявлением связи Александра с образом Ахиллеса особое внимание македонянина к личной воинской доблести (ἀρετή)³. Случаев, когда Александр демонстрировал храбрость и индивидуальное воинское мастерство, действительно много, и это отражает не столько стремление прямо подражать мифологическим героям, сколько общую приверженность гомеровским ценностям⁴. Так, яркий пример личной доблести македонского царя связан с широко освещенным в источниках эпизодом битвы при Гранике, в рамках которого Александр участвовал в напряженной конной схватке с персидскими аристократами (Plut. *Alex.* 16; Arr. *Anab.* I. 15. 6–8; Diod. XVII. 20. 6–7; Curt. VIII. 1. 2). Первоначальный рассказ об этом, несомненно,

¹ Gabriel (2015). P. 18–19.

² Об этой стороне современных субкультур см.: Окладникова (2014). С. 79–81; Новикова (2016). С. 47–48; Миронова, Никитина (2017). С. 110–111.

³ Hamilton (1965). P. 118. Вывод о влиянии «Илиады» на формирование у Александра особого отношения к личной доблести поддерживался и иными исследователями. См.: Stewart (1993). P. 81–85; O'Brien (1994). P. 21–22; Cohen (1995). P. 486; Worthington (2003). P. 90; Antela-Bernárdez (2016). P. 247.

⁴ Туманс (2016). С. 61.

оставил Каллисфен¹. Конечно, данный автор усилил описание битвы гомеровскими мотивами², но не мог создать известный современникам эпизод «на пустом месте». То же самое можно сказать и об участии полководца в сражении при Иссе, где он во главе кавалерии настойчиво прорывался к месту расположения Дария и был ранен в бедро (Diod. XVII. 34. 4–7; Curt. III. 10. 7–10; Arr. *Anab.* II. 10. 3; 12. 1; Plut. Alex. 20)³. Еще одно проявление возникшего под влиянием образа Ахиллеса стремления продемонстрировать выдающуюся доблесть имело место при штурме города маллов, во время которого Александр в одиночку прыгнул за крепостную стену и получил тяжелое ранение⁴. Наличие подобных качеств не только повышало риск гибели, за что царя могли критиковать его соратники⁵, но и внесло вклад в успех завоевателя, так как позволило выработать и успешно использовать особый стиль командования, подразумевавший личное присутствие и непосредственное руководство подразделениями армии на наиболее ответственных участках боя⁶. Доказываемая в сражениях схожесть с Ахиллесом также повышала авторитет царя в глазах воинов и, соответственно, предоставляла дополнительные рычаги для воздействия на настроения в армии⁷.

Другим глубинным следствием влияния «Илиады» на личность Александра стало особое восприятие дружбы, которая в поэме показана в ярких красках и часто выдвигается на передний план как главная форма межличностных отношений⁸. Оставив в стороне попытки некоторых современных исследователей связать якобы имевшуюся нетрадиционную половую связь между Александром

¹ Badian (1977). P. 274–275; Devine (1986). P. 267.

² Pedersen (2015). P. 124–125.

³ Видимо, благодаря Каллисфену появился имеющий явное гомеровское звучание акцент если не на поединке, то на встрече Александра и Дария в момент боя (Will [2009]. S. 37).

⁴ Briant (2018). P. 11.

⁵ Известно, что подобная критика имела место после ранения Александра в городе маллов. Она описана в письменной традиции в разных версиях (Arr. *Anab.* VI. 13. 4; Curt. IX. 6. 4–25), что не мешает считать сам эпизод вполне реальным (Bosworth [1996]. P. 61–62).

⁶ Подробный анализ этого аспекта см.: Keegan (1987). P. 60–66.

⁷ Carney (2000). P. 275–285.

⁸ Об этом см.: Андреев (2003). С. 142–143.

и Гефестионом с копированием идентичной стороны взаимоотношений Ахиллеса и Патрокла¹, следует отметить большую привязанность полководца к друзьям детства. Не случайно Плутарх в своем «Жизнеописании Александра» уделил целых две главы характеристике заботы царя о друзьях, назвав объем проявляемого внимания «изумительным» (θαυμάσια) (Plut. *Alex.* 41–42). Такие лица, как Гефестион, Непарх, Эригий, Лаомедонт, Птолемей Лаг и Гарпал, занимали ведущие позиции при дворе и выдвигались на важные должности, иногда вне зависимости от ранее проявленных качеств². Весьма отчетливо трепетное отношение Александра к старым друзьям проявилось в судьбе Гарпала, которому царь был готов простить даже явное предательство³. Мало того, именно со сферой дружбы связано единственное действие полководца, которое может относительно уверенно интерпретировано как прямое подражание Ахиллесу. Речь идет о беспрецедентно пышной погребальной церемонии, устроенной после смерти Гефестиона. Античные авторы оставили немало рассказов о том событии (Arr. *Anab.* VII. 14. 4–10; Diod. XVII. 114. 4 – 115. 5; Plut. *Alex.* 72; Just. XII. 12. 12; Ael. *VH.* VII. 8). Общими элементами сообщений являются глубокая печаль царя и огромный богато украшенный погребальный костер, отдельно или со всеми церемониями обошедшийся в 10–12 тысяч талантов. Упоминаются разные формы проявления траура: обрезание грив у лошадей и мулов, срывание стен в Экбатанах, погашение священного огня, сжигание трофеев и оружия. Арриан (Arr. *Anab.* VII. 14. 4) и Элиан (Ael. *VH.* VII. 8) отмечают, что Александр в подражание Ахиллесу срезал над телом друга свои волосы. Вопрос об источниках сохранившихся описаний похорон сложен и не может считаться решенным⁴. Это не позволяет дать оценку сообщениям о подражательном обрезании волос, однако сам подход к организа-

¹ Среди западных специалистов данная тема сейчас пользуется немалой популярностью, см.: Antela-Bernárdez (2010). P. 336–337; Anson (2021). P. 16; Ogden (2024). P. 37. Как кажется, относительно взвешенная позиция по данному вопросу: Skinner (2010). P. 129–130.

² Neckel (1992). P. 190–215; Thomas (2007). P. 202–203.

³ Наиболее актуальный анализ этого аспекта взаимоотношений Александра и Гарпала см.: Howe (2020). P. 195–209.

⁴ См.: Hammond (1993). P. 138; McKechnie (1995). P. 430–432.

ции прощания с Гефестионом, масштаб и отдельные детали траурных церемоний невольно вызывают ассоциации с двадцать третьей песней «Илиады», описывающей погребение Патрокла и ставшей, очевидно, ориентиром для охваченного горем македонского царя¹.

Еще одной частью мировоззрения Александра, развитию которой, безусловно, способствовало ранее погружение в гомеровское наследие, было отношение к религии. Как справедливо отмечается в литературе, македонский полководец уделял религиозной стороне бытования особое внимание, проявляющееся в регулярном совершении жертвоприношений, большом интересе к разнообразным пророчествам и знамениям, подчеркнутым уважением к храмам². Здесь также сказывалось увлечение греческим эпосом, где показано постоянное вмешательство богов в судьбы людей, которые, в свою очередь, могут понять волю олимпийцев и даже изменить ее благодаря молитвам, жертвам, правильному пониманию знамений и предсказаний³. Принятие гомеровского мира подразумевало особое отношение и к его главным обитателям — «героям». В греческом религиозном понимании герой являлся преисполненной особых сил персоной, занимающей промежуточное положение между людьми и богами и потому сохраняющей некое присутствие в мире живых и после своей смерти, причем этот статус обретался как через кровное родство с богами, так и через личные свершения⁴. Мало того, в «Илиаде» транслировалось специфическое представление, согласно которому настоящий «божественный героизм» появлялся и проявлялся лишь благодаря подвигам в сражениях⁵. Эти компоненты возникших еще до начала классической эпохи религиозных установок и особенности эпического произведения должны были определить взгляды Александра на соотношение человеческого и божественного. Так формировалась вера в возможность получения человеком сверхъестественного статуса, способствовавшая стремлению Александра продемонстрировать экстраординарную доб-

¹ Bosworth (1988a). P. 164–165; Heckel (1992). P. 78.

² Wilcken (1931). S. 49; Anson (2022). P. 56–61; Туманс (2016). С. 60–61.

³ Лосев (2006). С. 315–317, 385–386.

⁴ Jost (1992). P. 61–63; Ekroth (2007). P. 103–106; Parker (2011). P. 107–112.

⁵ Подробный анализ данного аспекта см.: Schein (1984). P. 67–84.

лесть на поле боя и делавшая в его глазах вполне оправданными проявившиеся после 332 г. до н. э. претензии на положение божественного сына Зевса¹.

Безусловно, у Александра могли присутствовать и другие ценностные установки и шаблоны поведения, сформировавшиеся благодаря восприятию Ахиллеса как модели поведения. Объективные свойства источников, в большинстве случаев не позволяющих различать реальные проявления подобного воздействия, и порожденные спецификой древнего историописания фантомы оставляют пространство для предположений, подчас весьма интересных и даже остроумных, но не способных покинуть границы гипотезы. Так, предпринята попытка объяснить стремлением уподобиться Ахиллесу особенности облика Александра. Как известно, завоеватель Азии стал одним из первых античных деятелей, не носивших во взрослом возрасте бороду, в связи с чем предполагается, что Александр сознательно подражал сыну Пелея, на памятниках искусства классической эпохи, как правило, изображавшемуся юным и безбородым². Данный вывод весьма интересен, но не однозначен, поскольку свой «имидж» Александр мог создать как под влиянием представлений об облике Ахиллеса, так и ориентируясь на иконографию Апполона и Диониса³. Еще одно труднодоказуемое предположение подразумевает, что под воздействием легенд об Ахиллесе и традиций династии Эакидов у Александра появился интерес к теории и практике врачевания⁴, который, впрочем, Плутарх связывал с влиянием Аристотеля (Plut. *Alex.* 8).

Нужно отметить, что сравнительно уверенно выявляемые качества личности, интересы и представления Александра, сформировавшиеся под воздействием отраженной в «Илиаде» модели героя, не позволяют видеть в македонском царе некоего бездумного имитатора Ахиллеса. К оценке заложенных в эпосе образов полководец подходил вполне осознанно. Замечание Плутарха (Plut. *Mor.* 331c–d) показывает, что из героев Гомера Александр выделял как Ахиллеса,

¹ См.: Edmunds (1971). P. 378–386; Туманс (2016). С. 62–63.

² Nawotka (2010). P. 45; Troncoso (2010). P. 17.

³ Troncoso (2010). P. 17–20; Pownall (2013). P. 46.

⁴ См.: Antela-Bernárdez (2019). P. 70–71; Molina Marín (2024). P. 327.

так и Агамемнона, являвшегося и могущественным царем, и воином¹. Кроме того, Ахиллес для Александра выступал не только усвоенной в ранней юности ролевой моделью, но и полезным символом. В тех же церемониях, проведенных весной 334 г. до н. э. в Илионе, явно сочеталось как юношеское преклонение перед образами Ахиллеса и иных героев Троянской войны, так и желание повысить политический престиж и идеологически подкрепить начавшуюся «войну мести». Использование фигуры сына Пелея как символа величия позволяло македонскому монарху, его потомку и последователю, дополнительно возвыситься над ближним окружением и подданными. Подобная роль Ахиллеса не была уникальна, так как по тем же идеологическим соображениям Александр опирался на образы легендарного предка Аргеадов Геракла и Диониса². Мало того, по мере развития событий, и прежде всего после провозглашения завоевателя в Египте сыном Зевса-Амона, указанные фигуры явно потеснили Ахиллеса и стали более интересны для Александра, начавшего претендовать уже на божественный статус³. Некоторый отход героя «Илиады» в тень мог быть связан и с неумолимым ходом времени. Было бы неправильно отказывать полководцу в возможности психологической трансформации и обретения личностной зрелости. Как и наши современники, он мог изменить отношение к герою детства, променяв юношескую восторженность на взрослый прагматизм.

Подводя итог, необходимо подчеркнуть, что в равной степени не следует как абсолютизировать, так и сводить на нет влияние образа Ахиллеса, воплощенного в строках «Илиады», на личность Александра. Свидетельства античных авторов, сообщающие о якобы имевших место случаях прямого подражания легендарному герою Троянской войны, сильно зависимы от разнообразных художественных и идеологических установок, в связи с чем не могут считаться доказательством склонности Александра к простой имитации. Тем не менее совокупность ряда фактов позволяет полагать, что «Илиада» и ее главный герой играли особую роль в жизни Александра, способствуя формированию важных индивидуальных

¹ Об этом также см.: Stiles (2022). P. 26.

² См.: Stewart (1993). P. 78; Heckel (2015). P. 30; Koulakiotis (2017). P. 226; Туманс (2016). С. 63.

³ Antela-Bernárdez (2016). P. 248–251; Anson (2021). P. 15.

качеств и ценностных установок, оказавших влияние на военный, политический и религиозно-идеологический компоненты деятельности знаменитого завоевателя.

Материал поступил в редакцию 4.03.2025

Материал поступил в редакцию после рецензирования 19.03.2025

БИБЛИОГРАФИЯ / REFERENCES

- Anson, E.M. (2013) *Alexander the Great: Themes and Issues*. London – New York: Bloomsbury.
- Anson, E.M. (2021) “Alexander the Great: A life lived as legend”, in J. Walsh, E. Baynham, eds. *Alexander the Great and Propaganda*. London – New York: Routledge, 14–32.
- Anson, E.M. (2022) “Religion and Alexander the Great”, *Karanos*, 5, 51–74.
- Antela-Bernárdez, B. (2010) “El Alejandro Homoerótico. Homosexualidad en la Corte Macedonia”, *Klio*, 92(2), 331–343.
- Antela-Bernárdez, B. (2016) “Like Gods among Men. The Use of Religion and Mythical Issues during Alexanders Campaign”, in K. Ulanowski, ed. *The Religious Aspect of War in the Ancient Near East, Greece, and Rome*. Leiden – Boston: Brill, 235–255.
- Antela-Bernárdez, B. (2019) “Enfermedad, curación y poder: los Eácidas taumaturgos”, in C. Sierra, B. Antela-Bernárdez, eds. *Historia y Medicina en la Antigüedad*. Zaragoza: Libros Pórtico, 63–74.
- Badian, E. (1977) “The Battle of the Granicus: A New Look”, in *Ancient Macedonia 2: Papers Read at the Second International Symposium*. Thessaloniki: Institute for Balkan Studies, 271–293.
- Baynham, E. (1995) “An Introduction to the Metz Epitome: Its Traditions and Value”, *Antichthon*, 29, 60–77.
- Baynham, E. (1998) *Alexander the Great: The Unique History of Quintus Curtius*. Ann Arbor: University of Michigan Press.
- Bosworth, A.B. (1988a) *Conquest and Empire: The Reign of Alexander the Great*. Cambridge: Cambridge University Press.
- Bosworth, A.B. (1988b) *From Arrian to Alexander: Studies in Historical Interpretation*. Oxford: Clarendon Press.
- Bosworth, A.B. (1996) *Alexander and the East: The Tragedy of Triumph*. Oxford: Clarendon Press.
- Bowden, H. (2018) “Alexander as Achilles: Arrian’s use of Homer from Troy to the Granikos”, in T. Howe, F. Pownall, eds. *Ancient Macedonians in the*

- Greek and Roman Sources. From History to Historiography*. Swansea: The Classical Press of Wales, 163–179.
- Briant, P. (2018) “Alexandre à Troie: images, mythe et realia”, in K. Nawotka, R. Rollinger, J. Wiesehöfer, A. Wojciechowska, eds. *The Historiography of Alexander the Great*. Wiesbaden: Harrassowitz Verlag, 9–19.
- Carrier, P. (2000) “Homeric and Macedonian Kingship”, in R. Brock, S. Hodkinson, eds. *Alternatives to Athens: Varieties of Political Organization and Community in Ancient Greece*. Oxford: Oxford University Press, 259–268.
- Carney, E. (1996) “Macedonians and Mutiny: Discipline and Indiscipline in the Army of Philip and Alexander”, *Classical Philology*, 91(1), 19–44.
- Carney, E. (2000) “Artifice and Alexander History”, in A.B. Bosworth, E. Baynham, eds. *Alexander the Great in Fact and Fiction*. Oxford: Oxford University Press, 263–285.
- Carney, E. (2006) *Olympias, Mother of Alexander the Great*. New York – London: Routledge.
- Cohen, A. (1995) “Alexander and Achilles – Macedonians and Mycenaeans”, in J.B. Carter, S.P. Morris, eds. *The Ages of Homer: A Tribute to Emily Townsend Vermeule*. Austin: University of Texas Press, 483–505.
- Demandt, A. (2013) *Alexander der Grosse. Leben und Legende*. München: Beck.
- Devine, A.M. (1986) “Demythologizing the Battle of the Granicus”, *Phoenix*, 40(3), 265–278.
- Devine, A.M. (1994) “Alexander’s propaganda machine: Callisthenes as ultimate source for Arrian, Anabasis 1-3”, in I. Worthington, ed. *Ventures into Greek History*. Oxford: Oxford University Press, 89–103.
- Dybelius, A. (2019) *Möten med personligheten Karl XII*. Eskilstuna: Vaktel förlag.
- Edmunds, L. (1971) “The Religiosity of Alexander”, *Greek, Roman, and Byzantine Studies*, 12(3), 363–391.
- Ekroth, G. (2007) “Heroes and Hero-Cults”, in D. Ogden, ed. *A Companion to Greek Religion*. Malden – Oxford: Blackwell, 100–114.
- Ellis, J.R. (1976) *Philip II and Macedonian Imperialism*. Princeton: Princeton University Press.
- Finn, J. (2025) “Military Propaganda in the Campaigns of Alexander the Great”, in E.M. Anson, ed. *Brill’s Companion to the Campaigns of Philip II and Alexander the Great*. Leiden – Boston: Brill, 392–428.
- Flower, M. (2000) “Alexander the Great and Panhellenism”, in A.B. Bosworth, E. Baynham, eds. *Alexander the Great in Fact and Fiction*. Oxford: Oxford University Press, 96–135.

- Fredricksmeier, E. (2003) "Alexander's Religion and Divinity", in J. Roisman, ed. *Brill's companion to Alexander the Great*. Leiden – Boston: Brill, 253–278.
- Fulińska, A. (2018) "Alexander and Napoleon", in K.R. Moore, ed. *Brill's Companion to the Reception of Alexander the Great*. Leiden – Boston: Brill, 545–575.
- Gabriel, R.A. (2015) *The Madness of Alexander the Great: And the Myth of Military Genius*. Barnsley: Pen & Sword.
- Gehrke, H.-J. (1996) *Alexander der Grosse*. München: Beck.
- Greenwalt, W.S. (2015) "Thracian and Macedonian Kingship", in J. Valeva, E. Nankov, D. Graninger, eds. *A Companion to Ancient Thrace*. Oxford: Wiley-Blackwell, 337–351.
- Griffith, G.T. (1965) "The Macedonian Background", *Greece and Rome. Second Series*, 12(2), 125–139.
- Hamilton, J.R. (1965) "Alexander's Early Life", *Greece and Rome, Second Series*, 12(2), 117–124.
- Hamilton, J.R. (1969) *Plutarch, Alexander. A Commentary*. Oxford: Clarendon Press.
- Hammond, N.G.L. (1983) *Three Historians of Alexander the Great: The So-Called Vulgate Authors, Diodorus, Justin and Curtius*. Cambridge: Cambridge University Press.
- Hammond, N.G.L. (1993) *Sources for Alexander the Great: An Analysis of Plutarch's Life and Arrian's Anabasis Alexandrou*. Cambridge: Cambridge University Press.
- Hammond, N.G.L. (1999) "Heroic and Divine Honors in Macedonia before the Successors", *Ancient World*, 30(2), 103–115.
- Heckel, W. (1992) *The Marshals of Alexander's Empire*. London – New York: Routledge.
- Heckel, W. (2006) *Who's Who in the Age of Alexander the Great*. Malden – Oxford: Blackwell.
- Heckel, W. (2015) "Alexander, Achilles, and Heracles: Between Myth and History", in P. Wheatley, E. Baynham, eds. *East and West in the World Empire of Alexander: Essays in Honour of Brian Bosworth*. Oxford: Oxford University Press, 21–33.
- Heckel, W. (2020) *In the Path of Conquest: Resistance to Alexander the Great*. Oxford: Oxford University Press.
- Howe, T. (2014) "Founding Alexandria: Alexander the Great and the Politics of Memory", in P. Bosman, ed. *Alexander in Africa*. Pretoria: V&R Printing Works, 72–91.

- Howe, T. (2020) “Friendship is Golden: Harpalus, Alexander and Athens”, in M. D’Agostini, E.M. Anson, F. Pownall, eds. *Affective Relations and Personal Bonds in Hellenistic Antiquity: Studies in Honor of Elizabeth D. Carney*. Oxford: Oxbow, 195–212.
- Howe, T. (2022) “Alexander at Troy: Arrian, Kallisthenes and the “Goals” of Historiography”, in R. Rollinger, J. Degen, eds. *The World of Alexander in Perspective: Contextualizing Arrian*. Wiesbaden: Harrassowitz, 72–92.
- Instinsky, H.U. (1949) *Alexander der Grosse am Hellespont*. Würzburg: Verlag Helmut Kupper.
- Jost, M. (1992) *Aspects de la vie religieuse en Grèce. Du début du Ve siècle à la fin du IIIe siècle av. J.-C.* Paris: Sedes.
- Keegan, J. (1987) *The Mask of Command*. London: Jonathan Cape.
- Koulakiotis, E. (2017) “Plutarch’s Alexander, Dionysos and the metaphysics of power”, in T. Howe, S. Müller, R. Stoneman, eds. *Ancient Historiography on War and Empire*. Oxford – Philadelphia: Oxbow Books, 226–249.
- Lane Fox, R. (1973) *Alexander the Great*. London: Folio Society.
- Lehmann, G.A. (2015) *Alexander der Grosse und die “Freiheit der Hellenen”: Studien zu der antiken historiographischen Überlieferung und den Inschriften der Alexander-Ära*. Berlin: De Gruyter Akademie Forschung.
- Maitland, J. (2015) “MHNIN AEIΔE ΘEA: Alexander the Great and the Anger of Achilles”, in P. Wheatley, E. Baynham, eds. *East and West in the World Empire of Alexander: Essays in Honour of Brian Bosworth*. Oxford: Oxford University Press, 1–20.
- Mari, M. (2011) “Archaic and Early Classical Macedonia”, in R. Lane Fox, ed. *Brill’s Companion to Ancient Macedon: Studies in the Archaeology and History of Macedon, 650 BC-300 AD*. Leiden – Boston: Brill, 79–92.
- McKechnie, P. (1995) “Diodorus Siculus and Hephaestion’s Pyre”, *The Classical Quarterly. New Series*, 45(2), 418–432.
- Molina Marin, A.I. (2024) “Geography, Science and Knowledge of the World”, in D. Ogden, ed. *The Cambridge Companion to Alexander the Great*. Cambridge: Cambridge University Press, 317–329.
- Mossman, J.M. (1988) “Tragedy and Epic in Plutarch’s Alexander”, *The Journal of Hellenic Studies*, 108, 83–93.
- Müller, S. (2012) “Stories of the Persian Bride: Alexander and Roxane”, in R. Stoneman, K. Erickson, I. Netton, eds. *The Alexander Romance in Persia and the East (Ancient Narrative supplementum, 15)*. Groningen: Barkhuis Publishing; Groningen University Library, 295–310.

- Müller, S. (2016) *Die Argeaden. Geschichte Makedoniens bis zum Zeitalter Alexanders des Grossen*. Paderborn: Ferdinand Schöningh.
- Naiden, F.S. (2024) “Alexander’s Modern Military Reputation”, in D. Ogden, ed. *The Cambridge Companion to Alexander the Great*. Cambridge: Cambridge University Press, 256–272.
- Nawotka, K. (2010) *Alexander the Great*. Cambridge: Cambridge Scholars Publishing.
- O’Brien, J. (1994) *Alexander the Great: The Invisible Enemy*. London – New York: Routledge.
- Ogden, D. (2024) “Alexander’s Birth and Childhood”, in D. Ogden, ed. *The Cambridge Companion to Alexander the Great*. Cambridge: Cambridge University Press, 29–41.
- Pearson, L. (1960) *The Lost Histories of Alexander the Great*. New York: American Philological Association.
- Pedersen, P. (2015) “Callisthenes and the Creation of a Homeric Hero”, *Classica et Mediavalla*, 66, 103–127.
- Peltonen, J. (2019) *Alexander the Great in the Roman Empire, 150 BC to AD 600*. London – New York: Routledge.
- Pownall, F. (2013) “Duris of Samos and the Diadochi”, in V.A. Troncoso, E.M. Anson, eds. *After Alexander: The Time of the Diadochi (323–281 BC)*. Oxford – Oakville: Oxbow Books, 43–56.
- Pownall, F. (2020) “Sophists and Flatterers: Greek Intellectuals at Alexander’s Court”, in M. D’Agostini, E.M. Anson and F. Pownall, eds. *Affective Relations and Personal Bonds in Hellenistic Antiquity: Studies in Honor of Elizabeth D. Carney*. Oxford: Oxbow, 243–265.
- Prandi, L. (1985) *Callistene. Uno storico tra Aristotele e i re macedoni*. Milano: Jaca Books.
- Race, W.H. (1978) “Panathenaicus 74-90: The Rhetoric of Isocrates’ Digression on Agamemnon”, *Transactions of the American Philological Association*, 108, 175–185.
- Scanlon, T.F. (2015) *Greek Historiography*. Malden – Oxford: Wiley-Blackwell.
- Schein, S.L. (1984) *The Mortal Hero: An Introduction to Homer’s Iliad*. Berkeley – Los Angeles – London: University of California Press.
- Skinner, M.B. (2010) “Alexander and Ancient Greek Sexuality: Some Theoretical Considerations”, in P. Cartledge, F.R. Greenland, eds. *Responses to Oliver Stone’s Alexander. Film, History, and Cultural Studies*. Madison – London: The University of Wisconsin Press, 119–134.

- Squillace, G. (2010) “Consensus Strategies under Philip and Alexander: The Revenge Theme”, in E. Carney, D. Ogden, eds. *Philip II and Alexander the Great. Father and Son, Lives and Afterlives*. Oxford: Oxford University Press, 69–80.
- Stadter, P.A. (2014) *Plutarch and his Roman Readers*. Oxford: Oxford University Press.
- Stewart, A. (1993) *Faces of Power. Alexander’s Image and Hellenistic Politics*. Berkeley – Los Angeles – Oxford: University of California Press.
- Stiles J. (2022) *Alexander the Great and Persia: From Conqueror to King of Asia*. Barnsley: Pen & Sword History.
- Stoneman, R. (1997) *Alexander the Great*. London – New York: Routledge.
- Tarn, W.W. (1948) *Alexander the Great. Vol. 2. Sources and Studies*. Cambridge: Cambridge University Press.
- Thomas, C.G. (2007) *Alexander the Great in his World*. Oxford: Blackwell.
- Troncoso, V.A. (2010) “The Bearded King and the Beardless Hero: From Philip II to Alexander the Great”, in E. Carney, D. Ogden, eds. *Philip II and Alexander the Great. Father and Son, Lives and Afterlives*. Oxford: Oxford University Press, 13–24.
- Van der Stockt, L. (2014) “Compositional Methods in the Lives”, in M. Beck, ed. *A Companion to Plutarch*. Malden – Oxford: Wiley-Blackwell, 321–332.
- Welles, C.B. (1962) “The Discovery of Sarapis and the foundation of Alexandria”, *Historia*, 11(3), 271–298.
- Wilcken, U. (1931) *Alexander der Grosse*. Leipzig: Quelle und Meyer.
- Wilcken, U. (1962) *Griechische Geschichte im Rahmen der Altertumsgeschichte*. München: R. Oldenburg.
- Will, W. (2009) *Alexander der Grosse: Geschichte und Legende*. Darmstadt: Primus Verlag.
- Worthington, I. (2003) “Alexander, Philip, and the Macedonian Background”, in J. Roisman, ed. *Brill’s companion to Alexander the Great*. Leiden – Boston: Brill, 69–98.
- Worthington, I. (2004) *Alexander the Great: Man and God*. Harlow: Pearson Longman.
- Zambrini, A. (2007) “The Historians of Alexander the Great”, in J. Marincola, ed. *A Companion to Greek and Roman historiography. Vol. 1*. Oxford: Blackwell, 210–220.
- Zahrnt, M. (2006) “Von Siwa bis Persepolis: Überlegungen zur Arbeitsweise des Kallisthenes”, *Ancient Society*, 36, 143–174.

- Андреев, Ю.В. (2003) *Раннегреческий полис (гомеровский период). Избранные статьи*. СПб.: ИЦ «Гуманитарная Академия», 2003. [Andreev, Yu.V. (2003) *Rannegrecheskij polis (gomerovskij period). Izbrannye stat'i*. SPb.: IC "Gumanitarnaya Akademiya", 2003].
- Белох, Ю. (2009) *Греческая история*. В 2 т. Т. 2. Пер. с нем. М.О. Гершензона. М.: Гос. публ. ист. б-ка России. [Beloch, J. (2009) *Grecheskaya istoriya*. V 2 t. T. 2. Per. s nem. M.O. Gershenzona. M.: Gos. publ. ist. b-ka Rossii].
- Гафуров, Б.Г., Цибукидис, Д.И. (1980) *Александр Македонский и Восток*. М.: Главная редакция восточной литературы издательства «Наука». [Gafurov, B.G., Cibukidis, D.I. (1980) *Aleksandr Makedonskij i Vostok*. M.: Glavnaya redakciya vostochnoj literatury izdatel'stva "Nauka"].
- Глинка, С.Н. (1819) *Жизнь Суворова, им самим описанная, или собрание писем и сочинений его, изданных с примечаниями Сергеем Глинкою*. Ч. 2. М.: Тип. С. Селивановского. [Glinka, S.N. (1819) *Zhizn' Suvorova, im samim opisannaya, ili sobranie pisem i sochinenij ego, izdannyh s primechaniyami Sergeem Glinkoyu*. Ch. 2. M.: Tip. S. Selivanovskogo].
- Грэйнджер, Дж. Д. (2010) *Империя Александра Македонского. Крушение великой державы*. Пер. с англ. С.О. Махарадзе. М.: АСТ: Астрель. [Grainenger, J.D. (2010) *Imperiya Aleksandra Makedonskogo. Krushenie velikoj derzhavy*. Per. s angl. S.O. Maharadze. M.: AST: Astrel'].
- Лосев, А.Ф. (2006) *Гомер*. М.: Молодая гвардия. [Losev, A.F. (2006) *Gomer*. M.: Molodaya gvardiya].
- Миронова, Д.А., Никитина, Н.В. (2017) «Эскапизм как одна из функций исторического знания: проявления в современной отечественной историографии и культуре», в: *Молодёжь и наука: актуальные проблемы педагогики и психологии*, 2, 109–114. [Mironova, D.A., Nikitina, N.V. (2017) «Eskapizm kak odna iz funkcij istoricheskogo znaniya: proyavleniya v sovremennoj otechestvennoj is-toriografii i kul'ture», v: *Molodyozh' i nauka: aktual'nye problemy pedagogiki i psihologii*, 2, 109–114].
- Новикова, О.Н. (2016) «Игроизация культуры постмодерна и современные практики эскапизма», *Вестник Челябинского государственного университета*, 41, 45–51. [Novikova, O.N. (2016) «Igroizaciya kul'tury postmoderna i sovremennye praktiki eskapizma», *Vestnik Chelyabinskogo gosudarstvennogo uni-versiteta*, 41, 45–51].
- Окладникова, Е.А. (2014) «Социальный эскапизм современной российской городской молодежи: факторы, практики, следствия», *Вестник Нижегородского университета им. Н. И. Лобачевского. Серия: Социальные науки*, 3(35), 74–83. [Okladnikova. E.A. (2014) «Social'nyj eskapizm sov-

remennoj rossijskoj gorodskoj molodyozhi: faktory, praktiki, sledstviya», *Vestnik Nizhegorodskogo universiteta im. N. I. Lobachevskogo. Seriya: Social'nye nauki*, 3(35), 74–83].

Пьянков, И.В. (2013) *Средняя Азия и Евразийская степь в древности*. СПб.: Петербургское лингвистическое общество. [P'yankov, I.V. (2013) *Srednyaya Aziya i Evrazijskaya step' v drevnosti*. SPb.: Peterburgskoe lingvisticheskoe obshchestvo].

Рягузова, Е.В. (2014) «Герой как культурное означающее», *Известия Саратовского университета. Новая серия. Сер. Акмеология образования. Психология развития*, 3.2(10), 120–124. [Ryaguzova, E.V. (2014) «Geroj kak kul'turnoe oznachayushchee», *Izvestiya Saratovskogo universiteta. Novaya seriya. Ser. Akmeologiya obrazovaniya. Psihologiya razvitiya*, 3.2 (10), 120–124].

Туманс, Х. (2016) «Еще раз о мимесисе и легитимации Александра», *Мне-мон: Исследования и публикации по истории античного мира*, 16(2), 55–78. [Tumans, H. (2016) «Eshche raz o mimesise i legitimacii Aleksandra», *Mne-mon: Issledovaniya i publikacii po istorii antichnogo mira*, 16(2), 55–78].

Чернобровкина, С.В. (2013) «Образ героя современных подростков», *Вестник Омского университета. Серия «Психология»*, 2, 23–32. [Chernobrovkina, S.V. (2013) «Obraz geroya sovremennyh podrostkov», *Vestnik Omskogo universiteta. Seriya "Psihologiya"*, 2, 23–32].

Шарапов, А.О., Соколова, А.И. (2021) «Особенности Я-концепции и образа героя у современной молодежи», *Психология человека в образовании*, 3(4), 401–415. [Sharapov, A.O., Sokolova, A.I. (2021) «Osobennosti Ya-koncepcii i obraza geroya u sovremennoj molodezhi», *Psihologiya cheloveka v obrazovanii*, 3(4), 401–415].

Шахермайр, Ф. (1984) *Александр Македонский*. Пер. с нем. М.Н. Ботвинника и Б. Функа. М.: Главная редакция восточной литературы издательства «Наука». [Schachermeyr, F. (1984) *Aleksandr Makedonskij*. Per. s nem. M.N. Botvinnika i B. Funka. M.: Glavnaya redakciya vostochnoj literatury izda-tel'stva "Nauka"].

Шебалин, Н.В. (1966) «О “гомеровской” формуле в архаических греческих эпитафиях», в: М.Е. Грабарь-Пассек, ред. *Вопросы античной литературы и классической филологии*. М.: Наука, 60–69. [Shebalin, N.V. (1966) «O “gomerovskoj” formule v arhaicheskikh greche-skih epitafiyah», v: M.E. Grabar'-Passek, red. *Voprosy antichnoj literatury i klassicheskoy filologii*. M.: Nauka, 60–69].

CONCERNING THE INFLUENCE OF THE ILIAD ON THE WORLDVIEW OF ALEXANDER THE GREAT

Alexander A. KLEYMEONOV

This article examines the widely accepted scholarly view that the *Iliad* played a crucial role in shaping Alexander the Great's character and his deliberate emulation of Achilles. Early accounts of his deep reverence for Homeric heritage and the heroes of the Trojan War can be traced back to his contemporaries and those who participated in his Asian campaign. However, much of the ancient literary tradition portraying Alexander as an imitator of Achilles or as someone who based significant decisions on Homer's poetry primarily reflects the literary and ideological perspectives of individual authors rather than historical reality. The starting point for this trend was the work of Callisthenes of Olynthus, who placed great emphasis on sacred and Panhellenic themes. Nevertheless, the available evidence suggests that the legendary and literary image of Achilles did, in fact, play a key role in shaping the personal qualities and values of the young Alexander. A crucial factor in this was his mother Olympias' lineage—she belonged to the Molossian dynasty of the Aeacidae, who were believed to be descendants of Achilles. Additionally, similarities between the Homeric world and the customs of the Macedonian elite during the Argead dynasty allowed Alexander to perceive the heroes of the Trojan War as figures akin to his own way of life. A third significant factor was the literary excellence of the *Iliad*, which Alexander came to appreciate under Aristotle's influence. The impact of Achilles' image was particularly strong during Alexander's formative years when his core personal traits and values were taking shape. Viewing Achilles as a model of behavior did not turn him into a mere imitator, but it contributed to key aspects of his worldview. These included a strong inclination to display personal martial valor, deep loyalty to childhood companions, heightened attention to religious matters, and a readiness to see himself as a hero closely associated with the gods. This influence was further reinforced by Alexander's use of Achilles' image to ideologically justify his Asian campaign and support his claims to divine status.